

В этом стихе отразились, повидимому, следующие события московской жизни первой половины XVII в. В 1626—1628 гг. английский зодчий Христофор Галовой надстроил верх Спасских ворот в Московском Кремле и украсил основание этой надстройки четырьмя резными из камня статуями, причем они были поставлены выше образа Спаса-убруса, стоявшего здесь, по преданию, потому, что царь Авгарь над воротами своего города Едессы также поставил образ Спаса нерукотворенного. Появление „кумиров“, „идолов“ или „болванов“ над особо чтимыми городскими воротами вызвало в Москве ропот среди населения. Статуи не сняли, но, чтобы придать им вид живых людей, их одели в суконные однорядки. В течение первой половины XVII в. Спасская башня не раз горела, разрушались при этом и скульптуры. Однако, с восстановлением башни, реставрировались и „болваны“ на ней.¹ Автор стиха встревожен этим „идолским покланьем“, он рассматривает как „ругательство нашей православней вере“ постановку „кумиров“ и винит в ней „злых врагов, еллинских волхвов“, которые „своим чарованием и злым умыслением прелестища владомых и многоразумных начальников Руския державы“ — явное указание на приезжего зодчего.

(л. 49—49 об.)

О, злое дѣло ненавистное,²
 правда неуголимая,
 буря, пагуба души
 и всѣм добродѣтелем потребление,
 но и паче же православной вѣре посрамление
 и от всѣх язык различных вѣр
 посмѣх и укоризна.
 Слышат бо языци нашу неправду
 и многия видят своима очима,
 еже творим со своим христіаном
 немилость и безчеловѣчество лютьиша звѣря,
 яко и храбрых своих воинов,
 против врагов твердо стоящих
 и тех ненавидящих оружием убиваху,
 смерти предающе.
 Понеже не восхотѣша им дати чести земныя
 за их многое страдание,
 но кровным вѣнцем вѣнчашася.
 Тем же и память их во вѣки пребывает.

Не является ли этот стих откликом на казнь воеводы Михаила Шеина, окольникчегго Артемия Измайлова и его сына, совершившуюся 26 апреля 1634 г. в Москве? Приговор вменил в вину казненным неудачную осаду Смоленска в 1632—1634 гг., проведенную под начальством Шеина и Измайлова. Сохранилось, однако, известие о том, что обвинение в измене Шеина с товарищами было подсказано клеветой царю на Шеина со стороны бояр и князей, которые завидовали славе и влиянию Шеина. Известно также, что М. Шеин пользовался в войсках популярностью, и в день после его казни в Москве, Можайске и других городах произошли волнения среди ратных людей.³ В тоне стиха слышен голос современника, который укоряет виновников казни: „Слышат бо

¹ И. Е. Забелин. История города Москвы, т. I, М., 1905, стр. 189. — И. Снегирев. Памятники Московской древности, М., 1842—1852, стр. 333.

² В рукописи: ненавистине.

³ Русский биографический словарь, т. 23, СПб., 1911, стр. 41—59.